

Фарфоровый театр Резо Габриадзе

(ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ ВИДЕЛ)

На фотографиях Виктора Ахломова вы видите некоторых персонажей Фарфорового спектакля, который показал Резо Габриадзе на своей выставке в Москве. Только знайте, что они совсем маленькие, эти фарфоровые фигурки, и их очень много.

Выставлены они в одинаковых черных витринах, вытянувшихся в ряд. Там за стеклом живут Пушкин, Гете, Галактион Табидзе, Бетховен, архитектор Великанов, писатель Битов, дирижер Кахидзе, хореограф Бежар. И другие существа. Стоят рядком, четко пронумерованы, некоторые со смешными подписями, иные — со странными. Пер-

сонажи, впрочем, тоже со странностями. Гете, оказывается, очень любил смотреть на ведро: сидит вполне уважаемый, грузноватый классик, перед ним — крохотное ведро. Смотрит. Почему ведро? А почему бы и нет? И Пушкин тоже со странностями. Резо Габриадзе и Андрей Битов вот уже мно-

го лет ведут с ним большую игру. В рукописной афише Резо вполне академично написал: «долгие годы Битов и я работаем над темой Пушкина». Началось это с графики, которая обильно представлена на выставке. Габриадзе играет, например, а пушкинскую манеру рисунка. Не подражает, не копирует, а становится тем человеком, которому приятно и естественно рисовать именно так. И сюжеты они с Битовым разыгрывают такие, которые про Пушкина вполне могли сложить друзья поэта. Анекдоты? Возможно, но с изрядной долей детской фанаберии. И все новые и новые сюжеты рождаются, в дружеском кругу. Не поймешь — то ли Нащокин придумал, то ли Битов сочинил. И новые герои появляются, вступая в совершенно естественные отношения с поэтом. Например, бравый генерал А. А. Великанов, замечательно похожий на московского архитектора А. А. Великанова (того самого, кто делал сцену спектакля «Нумер в гостинице города NN»).

Со всеми своими персонажами Резо определенно «на дружеской ноге». Но их это не смущает. Наверное, потому, что автор их нежно любит. Взгляните, например, на ничегонеделание поэта Галактиона Табидзе: фарфор закипает стихами, доброта сочится из каждого рефлекс света, цвет согревает. Славно... «Тема Пушкина» занимает несколько витрин. Есть здесь и вполне серьезные изображения, но преобладают странные: Пушкин на дельфине, он же — с ос-

(Окончание на 14-й стр.)

КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ

тельства прошлого, спектаклей знаменитого Театра Марионеток, созданного Р. Габриадзе в Тбилиси. Как предвестие того, что будет, надеюсь, в Москве. Есть еще книги, сделанные вместе с Андреем Битовым. И есть грузинские фотографии Юрия Роста. Прекрасные лица, юные и старые, такие разные и такие значительные, которые смотрят на своего художника.

В афише — предведомлени Резо Габриадзе написал:

● Пушкин в бурке, Булат Окуджава, Андрей Битов (9 стр.).

● Зайцы не пускают Пушкина на Сенатскую площадь.

● Катя Андроникова.

● Друзья, прекрасен наш союз!

● Морис Бежар.

● Пушкин в лесу.

Фарфоровый театр Резо Габриадзе

(Окончание. Начало на 9-й стр.)

В графике превращениям нет числа. Поэт превращается то в птичку, то в чернильницу, иногда — в сахарницу, потом — в кустик. И кажется, что он принимает игру, даже радуется ей,

только единожды и навсегда. Что же, Резо так Пушкиным и останется? Или Богу — Богово, но и ему тоже дано превращаться многократно, оставаясь самим собой?

Насчет идеи превращения спросила художника, не овидиевых ли «Метамор-

участвует. А рисует Габриадзе очень похоже на то, как рисовал Пушкин. Вроде бы перевоплощается в него, входит в образ. Раз вошел — и остался, превратившись.

Но вот в чем загвоздка: согласно греческой мифологии, многократные превращения — прерогатива богов. Смертные тоже, правда, превращались (Нарцисс, Актеон, Арахна), но

фоз» начитался? Резо фыркнул: «При чем тут Овидий? Вот крестьянин ждет автобуса, взял нож, из пальки режет какую-то голову. Он что, Овидия читал? Просто руки дела просят, они ведь своей жизнью живут». В этом — весь Резо.

Фигурки он ваял во время своих европейских странствий. Руки тосковали по дому. Руки радовались воспоминаниям о друзьях,

тосковали о них. Руки хотели работы. Пальцы, вдавливаясь в глину, осязали в ней частицы души. Диву даешься, как эти короткие, крепкие пальцы смогли стать «перстами, легкими, как сон...».

Чувство жизни источают маленькие фарфоровые фигурки. Оно проступает сквозь белую, чуть трону-

тую краской поверхность, гнездится внутри, окутывает скульптуры неким облаком. Или это игра с жизнью? А может быть, защита от нее? Наверное, нет более прочной защиты, чем ломкие фарфоровые изваяния или хрупкие куклы-марионетки.

Куклы тоже живут в залах выставки. Как свиде-

● В Тифлисе Пушкин часто превращался в до зубов вооруженную бабочку и с 12-килограммовой металлической палкой по ночам грабил караваны. Случайно убил Грибоедова. Хотел умыкнуть жену графа Воронцова, но граф вовремя успел снять со стены испытанный в боях сачок и отбил жену у самого края пропасти в том самом месте, где, обнявшись словно две сестры, струи Арагвы и Куры...

● Пушкину 62 года.

● О Брента! Я увижу вас...

● Гете, желая изобрести фотографию, быстро открывает и закрывает окна. Однажды, в горах Оберваймара, увидев Лотту, он тихо закрывает окно и навсегда прекращает опыты по фотографии.

Фото Виктора Ахломова.

Алла МИХАЙЛОВА.